

Подарок тёти Досифеи

Марина Беликова

Рассказы

Марина Беликова

Подарок тёти Досифеи

«Автор»

2026

Беликова М.

Подарок тёти Досифеи / М. Беликова — «Автор»,
2026 — (Рассказы)

Когда восьмилетнюю Алёну отправляют погостить к дальней родственнице в Белоруссию, она не догадывается, с какими испытаниями ей предстоит столкнуться. Но стоит ли бояться собственной тени? Именно на этот вопрос предстоит ответить повзрослевшей Алёне.

© Беликова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Марина Беликова

Подарок тёти Досифеи

рассказ

О тёте Досифее в семье ходила недобрая молва. Собираясь за одним столом, многочисленные родственницы с удовольствием смаковали подробности жизни этой тётушки с сомнительной репутацией. Ходили слухи о её странствиях по миру (ездил даже в Индию!), о карьере балерины в юности, о ярких романах с выдающимися когда-то мужчинами.

– Ведьма она, точно тебе говорю! – доверительно сообщала мне тётя Галя после третьей стопки водочки.

В такие моменты бабушка выразительно поднимала бровь – острую, словно клюв хищной птицы.

– Алёна, иди к себе. Тебе пора спать!

Бабушку я понимала с полуслова. В девять вечера меня отправляли спать, только чтобы я не слушала рассказы родни под действием крепких напитков. На деле же это означало, что я могу заняться чем-то интересным у себя в комнате.

– Ба, а тётя Досифея и правда ведьма? – спросила я, когда уставшая бабушка, наконец, распрощалась с назойливыми гостями, и пришла пожелать мне спокойной ночи.

Вопрос был не праздный: летом меня собирались отправить к ней на целых две недели. Формально эта загадочная женщина, о которой я столько слышала, но ни разу ещё не видела, приходилась мне вовсе не тётей. Они с моей бабушкой были двоюродными сёстрами по матери. В юности тётя Досифея нянчилась с «Тонечкой», как до сих пор её иногда называла, когда они говорили по телефону. Однажды Досифея спасла ей жизнь, бесстрашно прыгнув в глубокий пруд, когда маленькая кузина провалилась в дыру на старом прогнившем мосту. Видимо, из чувства благодарности бабушка и пресекала эти сомнительные разговоры.

– Дося просто очень красивая, – объяснила она. – Всегда была такой. Женщины ей завидовали страшно. А мужики боготворили... Тех, с которыми она... – Бабушка замялась, спохватившись, что рассказывает эту историю очаровательной восьмилетней крошке с двумя светлыми косичками. – Так, давай спать.

– И всё-таки я не хочу ехать к ней одна!

Целые две недели в Белоруссии с чужой странной тётей казались мне сущей мукой. Я бы предпочла остаться дома с любимой бабушкой. Но разве кто-то спрашивает детей об их желаниях? Мои родители тогда жили в другом городе. А работающая бабушка хоть и любила меня безмерно, тоже нуждалась в отдыхе. Много лет подряд она брала меня с собой на море. В этом году она окончательно выдохлась и решила провести отпуск в одиночестве. Благо, что тётя Досифея давно приглашала «Тонину внучку» познакомиться. Точнее, она была со мной знакома, – но я совершенно ничего об этом не помнила.

Я видела её только на чёрно-белых фотографиях, совсем молодую. В ней действительно было что-то мистическое: взгляд гипнотизировал, дерзкие брови взметались вверх, а чёрные локоны змеились почти до талии – столь тонкой, что на её фоне даже молодая советская актриса Гурченко выглядела бы чуть полноватой. В юности тётя Досифея танцевала в ленинградском балете и, судя по разговорам, с годами своих позиций не сдавала. Кроме того, она была умна, хорошо образована и умела поддержать практически любую беседу. Тётя Досифея свободно изъяснялась по-французски и бегло читала по-английски, разбиралась в предметах искусства и интересовалась философией. Совершенно непонятно, почему однажды в возрасте

чуть за пятьдесят она вдруг переехала из Ленинграда в родной посёлок в белорусской глуши, откуда сбежала ещё в девичестве. Там она прожила пятнадцать лет вместе с третьим мужем, который, по слухам, её обожал. После его смерти она жила уединённо, резко отбив любые попытки родни поселиться в её большом доме. Тем удивительнее было то, что именно для меня тётя Досифея почему-то сделала исключение, пригласив пожить с ней. Возможно, дело было в моей бабушке, одной из немногих родственниц, с которой они иногда созванивались. Именно тётя Досифея стала инициатором приглашения. Вот почему бабушка не повезла меня обычно на море, а отправила в дремучие леса, что окружали старомодный мрачный дом тётушки Досифеи.

От таких приглашений не отказываются.

– Там леса, речка, свежий воздух, – уговаривала меня бабушка. – Вот увидишь, тебе там очень понравится.

Так началось моё путешествие в Белоруссию.

В день отъезда бабушка вручила мне увесистую корзинку со снедью, а меня – дяде Паше.

– Паша, я тебя прошу! Следи за Алёнкой внимательно. На заправках никуда не отпускай!

Бабушка повторила это ему минимум три раза.

– Тётъ Тонь, ну! – говорил он, как бы давая понять, что ему можно доверить самое дорогое.

Я крепко обняла бабушку. Она поцеловала меня на прощание. Я почувствовала, что её старческая щека мокрая.

– Ба, ну! Не надо плакать. Я скоро вернусь.

Дядя Паша громко шмыгнул носом. Он что, тоже сейчас заплачет? Взрослые порой такие дураки! Я подняла брови вверх, – точь-в-точь как бабушка:

– Не скучайте без меня! И не забывай играть с Альфой.

Альфа попрощалась со мной отрывистым лаем. Я не удержалась и чмокнула её на прощание в мокрый нос. Наконец, мы сели в машину и поехали в Белоруссию.

Дорога показалась мне бесконечно долгой.

Мы выехали рано утром. К полдню машина нагрелась, как раскалённая печь, и весёлый дядя Паша открыл все окна, чтобы мы не спеклись в его старенькой разбитой «Ниве» вишневого цвета. Шёл 1998 год, и о кондиционерах в транспорте приходилось только мечтать.

Стояло жаркое лето. Полоска ярко-голубого неба без единого облачка сливалась с жёлтой иссохшей травой. Кругом степь – жаркая, сухая и безжизненная. Однотипный пейзаж довольно быстро надоел. Укутанная сладкой дремой, словно насланной Полуденницей, я погрузилась в сон. Когда начало темнеть, я ненадолго проснулась. Дядя Паша любезно остановил машину, чтобы я могла сделать свои дела на природе. В сумерках, опутанных сизой дымкой, идти туда было страшновато.

– Там нет волка? Или кабана? Бабушка говорила, чтобы я не забредала в лес, потому что там водятся дикие звери.

Дядя Паша зычно расхохотался.

– Тю, Алёнка, ты чего? Мы ж ещё не в Белоруссии. Это там леса. Границу завтра пересечём.

– Так мы ещё не приехали?

Разочарованию моему не было предела. С горя я умяла четыре пирожка, что бабушка заботливо завернула нам в дорогу, запила остывшим чаем из термоса и вновь уснула.

– Ну вот, почти приехали! – обрадовал меня дядя Паша.

Я с любопытством разглядывала новый для меня пейзаж за окном. От густой раскидистой зелени рябило в глазах. Мы оказались в небольшом посёлке недалеко от Витебска – родине

моей прабабушки, которая давным-давно переехала вместе с детьми в Россию, – тогда ещё советскую. Потом СССР распался, и родственники оказались по разные стороны границ двух государств. Впрочем, в Белоруссии осталось не так уж много нашей родни. Двоюродный дядя Паша ехал навестить свою мать, жившую в Витебске. Старая женщина была совсем плоха, недавно перенесла операцию. Меня же по пути забросил в посёлок, где жила тётя Досифея.

Я увидела её из окна машины. Она стояла, небрежно облокотившись на калитку, словно с точностью до минуты знала, когда мы приедем. На ней был белоснежный костюм из необычной ткани, словно его сшили из крыльев ангелов. Как только мы вышли, тётя Досифея одарила нас лучезарной улыбкой. Дядя Паша сразу же смутился; размяк, как мороженое на солнце. Родственные сплетни заранее поведали мне о его ещё мальчишеской влюблённости.

– Ну Пашка даёт! Совсем уже! – недовольно ворчали кумушки. – Пацан пацаном, а на бабуку заглядывался. Ей же за пятьдесят.

– Дося тогда не выглядела на пятьдесят, – возразила на это моя бабушка. – Она и на сорок не выглядела. Красивая, что глаз не отвести. До сих пор.

– Красивая, – нехотя признавали завистницы. – И худая, как жердь! Говорю тебе, ведьма она! И креста не носит.

Бабушка любила повторять: бесполезно спорить с завистниками. Они в любом случае найдут повод, к чему придраться. Лучше всего держаться от них подальше. Что бы они о тебе не узнали – хорошее ли, плохое – все обернут против тебя. А когда мало что знают, то додумают. Такова уж людская натура.

– А вот и наша Алёнушка. Здравствуй.

Голос тёти Досифеи был ласков, но у меня всё похолодело внутри. Особенно неприятное чувство кольнуло в самое сердце, когда она на долю секунды положила руку мне на плечо. Я сделала глубокий вдох и, опустив глаза, пробормотала приветствие. Не обратив на это никакого внимания, тётя Досифея пригласила нас в тёмно-серый дом, что одиноко стоял на краю посёлка, близ самого леса. Он показался мне таким зловещим, что я поёжилась – то ли от холода, то ли от страха. Серый и мрачный, будто и не дом вовсе, а склеп. Тут запросто мог бы кто-то повеситься и стать призраком, пугающим живых обитателей. Возможно, поэтому тётя Досифея позвала нас за стол в летней вернаде с видами на лес. Добротная мебель, мягкие подушки и яркие картины на стенах, с любовью выбранные хозяйкой дома, чуточку сгладили первоначальное впечатление. Тётя Досифея обернула меня в тёплый плед, как в кокон, и подложила мне под спину мягкую подушку. Потом она угостила нас чудесным обедом. Еда была согревающей и сытной, по-домашнему простой и вкусной.

– Попробуй *цыбульку* и *мачанку*, ¹ – предложила тётя Досифея. – И *драник* положи. Не жалей сметаны. Со сметаной всё вкуснее.

Я ела с большим аппетитом. Многие блюда белорусской кухни были мне в новинку. Мне нравилось, как драники хрустят на зубах. Удивительно, что простую картошку можно превратить в плоские котлеты с аппетитной румяной корочкой.

– Конечно, налегай, – поддержал дядя Паша, уплетавший угощение за обе щёки. – Вон какая худенькая. Ветром шатает. Дося, ты уж позаботься.

– То, что худенькая – так это хорошо, – ответила она, на минуту задержав на мне оценивающий взгляд. – Голодной у меня точно не останется.

После обеда тётя Досифея устроила мне короткую экскурсию по дому.

– Здесь у меня кухня, столовая. Вот тут кладовки – лучше не заходи, там пыльно. На втором этаже моя спальня. На веранде и в большом зале можешь играть, в этой комнате смотри

¹ Традиционные белорусские блюда, очень сытные и вкусные. Мачанка – густой мясной суп с колбасой. Цыбулька – это лук (лучок) по-белорусски. Иногда так называют блюдо – нежное томлёное мясо с картошкой и луком. Драники – тёртый картофель, обжаренный до корочки.

телевизор. А, библиотека! Если хочешь почитать, спроси у меня, ладно? Некоторые книги очень старые. Раритет! Я тебе потом покажу. Алёнушка, а для тебя я кое-что купила.

Тётя Досифея была ко мне очень добра. Она не только заранее подготовила комнату с прекрасным видом на сад, но и позаботилась о том, чтобы я не скучала. Многие старики забывают, каково это – быть ребёнком. Они ворчат, искренне недоумевая, почему дети не хотят спокойно сидеть в кресле и читать газету. Тётя Досифея словно знала обо всех моих тайных желаниях. В комнате меня ждали раскраски с новенькими карандашами, книги с яркими картинками, мозаика, конструктор, пара симпатичных кукол, одетых как дамы девятнадцатого века, а также столик, стульчики и игрушечная фарфоровая посуда для кукольного чаепития. А когда она вручила мне «Тетрис», то покорила меня навеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.